

термин «библиотека» в документах Уральской канцелярии тогда еще не употреблялся.

Астраханский В. С. Каталог Екатеринбургской библиотеки В. Н. Татищева 1737 г. // Памятники культуры : новые открытия : ежегодник. 1980. Л., 1981.

Быкова Т. А., Гуревич М. М. Описание изданий гражданской печати, 1708 — январь 1725 г., М. ; Л., 1955.

Каталог книг В. Н. Татищева и первой библиотеки Екатеринбурга в фондах Свердловского областного краеведческого музея / сост. А. М. Сафронова, А. М. Оносова. Екатеринбург, 2005 (Каталог СОКМ).

Книги В. Н. Татищева в Главной библиотеке Ленинградского горного института: Каталог / сост. В. Г. Бауман, Д. К. Салахутдинова. СПб., 1992 (Каталог ГБ ЛГИ).

Сафронова А. М. Поступления книг на иностранных языках в Екатеринбургскую библиотеку горного ведомства в 1735—1739 г. : публ. док. // ДАИС. 2002. Вып. 2.

Сафронова А. М. В. Н. Татищев и подготовка механиков для заводов Урала и Сибири в первой половине XVIII в. // Урал индустр. : вторая регион. науч. конф., 17 декабря 1997 г. Екатеринбург. 1998.

Сафронова А. М. Екатеринбургская библиотека горного ведомства: Первое приобретение книг В.Н. Татищевым в 1734 г. // Вторые Татищев. чтения. Екатеринбург, 1999.

Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века (1725—1800) : в 5 т. М., 1963—1967 (СКРК).

Татищев В. Н. Записки. Письма, 1717—1750 гг. М., 1990.

Татищев В.Н. Избранные произведения. Л., 1979.

Статья поступила в редакцию 31.01.2008 г.

А. В. Черноухов

СТАНОВЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В УРАЛЬСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ (1934—1941)

Статья посвящена истории становления исторического образования в одном из старейших классических университетов Урала и Сибири. На основе архивных материалов автор реконструирует картину формирования исторического факультета Уральского государственного университета на начальном этапе его существования — накануне Великой Отечественной войны.

К л ю ч е в ы е с л о в а: историческое образование, Уральский государственный университет.

Литературы, посвященной процессу создания системы исторического образования в высшей школе СССР в 1930—1940-е гг., немного, ее можно разделить на три группы. Первую составляют работы, в которых рассматриваются общие проблемы развития высшей школы во второй половине 1930-х гг. и в военные годы [см., например: Елютин, 1950; Кафтанов, 1950; Галкин, 1958; Чуткерашвили, 1961; и др.]. В этих исследо-

ваниях представлены основные цели и задачи, которые ставились и решались руководством страны в деле подготовки специалистов. Вторая группа исследований посвящена непосредственно университетам — структуре университетского образования, роли факультетов в формировании нового поколения студентов [см. об этом: Синецкий, 1950; Бутягин, Салтанов, 1957; Елютин, 1967]. Третья, самая малочисленная группа, посвящена непосредственно историческим факультетам. К сожалению, за исключением Московского и Санкт-Петербургского университетов [см.: Летопись Московского университета, 1979; Летопись исторического факультета МГУ, 1995; Санкт-Петербургский университет, 1999; Московский государственный университет, 2005], историки пока не создали обобщающих работ по проблеме в целом и по изучаемому хронологическому периоду в частности, хотя некоторые предварительные работы проведены в Воронежском, Томском, Уральском и некоторых других университетах.

Серьезной базой для исследования стали источники, опубликованные в сборниках законодательных документов, разнообразные нормативные акты, которые издавались регулярно и в большом объеме. Естественно, из необъятного массива приказов и инструкций автор выбирал лишь те, которые объемно отражают процесс преобразований в историческом образовании изучаемого периода.

Предпринятые в свое время две серьезные попытки сбора документов по истории факультета дали результаты — на призывы активистов откликнулись преподаватели и выпускники. В конце 1950-х — в 1960-е гг. собранные материалы послужили основой для серии статей, опубликованных в университетской газете и центральных журналах, и очерков в обобщающих изданиях по истории университета [см., например: Горловский, Чуфаров, 1956; Печатальщикова, 1961; Кулагина, 1967].

В 1986—1988 гг. работала комиссия по подготовке празднования 50-летия истфака. Выпускникам были разосланы анкеты (59 писем). Воспоминания прислали 34 человека (из них 21 выпускник истфака УрГУ и 13 выпускников пединститута). Таким образом, оказался собран обширный комплекс различных по объему и ценности воспоминаний, которые ныне находятся в университетском музее¹.

Огромное количество документов об истфаке сохранили Государственный архив Свердловской области (ГАСО), университетский архив, а также Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). На основе этих источников в перспективе можно восстановить все основные направления работы факультета буквально по месяцам и даже дням.

Хронологические рамки статьи определены четко: от времени начала восстановления исторического образования до начала войны.

Как уже говорилось, по истории восстановления исторического образования написано очень немного и фрагментарно. Но все авторы единодушны в том, что новый этап его развития связан с Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР», опубликованного в газете «Правда» от 16 мая 1934 г. Начало его претворения в жизнь и послужило толчком к созданию исторических факультетов в вузах страны. Нужно отметить и то, что в этот же день

¹ Наиболее полные и солидные по объему воспоминания принадлежат студенткам набора 1938 г. А. Г. Рахмановой, Л. Д. Боголюбовой и О. Е. Вайнер (музей УрГУ; рукописный фонд исторического факультета).

было опубликовано и другое важное Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) — «О структуре начальной и средней школы в СССР».

В первом из упомянутых постановлений констатировалось, что преподавание истории в стране «поставлено неудовлетворительно»:

Учебники и само преподавание носят отвлеченный, схематический характер. Вместо преподавания гражданской истории в живой занимательной форме, с изложением важнейших событий и фактов в их хронологической последовательности, с характеристикой исторических деятелей учащимся преподносят абстрактные определения общественно-экономических формаций, подменяя, таким образом, связанное изложение гражданской истории отвлеченными социологическими схемами. Решающим условием прочного усвоения учащимися курса является соблюдение историко-хронологической последовательности в изложении исторических событий с обязательным закреплением в памяти учащихся важных исторических явлений, исторических деятелей, хронологических дат. Только такой курс истории может обеспечить необходимую для учащихся доступность, наглядность и конкретность исторического материала, на основе чего только и возможны правильный разбор и правильное обобщение исторических событий, подводящие учащегося к марксистскому пониманию истории.

Высшее партийно-правительственное руководство страны ставило задачу создания новых учебников по всем периодам всеобщей истории и истории СССР. А в целях подготовки квалифицированных специалистов по истории восстанавливались исторические факультеты в Московском и Ленинградском университетах.

Университет в Свердловске возобновил работу после шестилетнего перерыва в 1931 г. Подготовка вузовских преподавателей стала на данный момент особо острой проблемой, поскольку по сравнению с началом 1930 г., когда Свердловск имел лишь Политехнический институт с рядом карликовых факультетов, к осени 1931 г. в городе появилось 13 высших учебных заведений. Летом этого года президиум облисполкома обсудил предложение Наркомпроса РСФСР об открытии на Урале университета с отделениями математики, физики, химии, биологии, геологии и географии и принял решение о настоятельной необходимости «...учебного заведения, в задачу которого входила бы подготовка а) исследовательских кадров в области естественных наук и б) преподавателей высшей школы по общеобразовательным дисциплинам» [ЦДООСО, ф. 4, оп. 9, д. 1058, л. 176]. Борьба за право открыть университет развернулась между Пермью и Свердловском и закончилась победой последнего. Облисполком констатировал, что «именно этот город обеспечит постоянное и неослабное методологическое руководство его научной и учебной работой». Решение облисполкома об открытии Свердловского университета было утверждено Постановлением СНК РСФСР № 1085 от 13 октября 1931 г. [см.: Там же, л. 112—119, 176 об.; ГАСО, ф. 2110, оп. 2, д. 3, л. 8].

25 декабря 1931 г. при 80 студентах и 12 преподавателях начались занятия в новом вузе [ГАСО, ф. 2110, оп. 2, д. 3, л. 8—10]. Были открыты физико-математическое, химическое и геологическое отделения (на факультетскую систему все вузы страны перейдут в 1933/34 уч. г.).

С 1934 г. историков начал готовить педагогический институт. Университет же, не имея учебного здания, общежитий, лабораторий и оборудования, переживал нелегкие времена. Попытка открыть исторический факультет окончилась неудачей. Ее реализация осуществилась позднее. В октябре 1937 — марте 1938 г. в высших эшелонах власти и ЦК партии жестко обсуждался вопрос об уточнении профилей высших

учебных заведений. Для университета эта реорганизация обернулась не только потерей геологического факультета (он был переведен в Пермь), но и расширением за счет факультетов по подготовке кадров гуманитарных специальностей.

В апреле — мае 1938 г. Наркомпрос РСФСР принял решение об открытии истфака, в июне официально был объявлен набор студентов, а 20 июля 1938 г., на партийном собрании впервые были рассмотрены проблемы и трудности, стоящие перед новым факультетом.

После вступительных экзаменов в августе 1938 г. на первый курс было зачислено две группы студентов. Первые истфаковцы получили студенческие билеты и зачетные книжки. Единая форма этих документов была утверждена СНК СССР 25 октября 1936 г. [см.: Высшая школа, 1957, 139—140]. Студенческий билет почти не отличался от современного. Форма зачетной книжки, требования к ее заполнению за 70 лет также практически не претерпели существенных изменений.

Перед изложением основных событий первого учебного года исторического факультета необходимо остановиться на важнейших документах истории высшего (в том числе и гуманитарного) образования в стране, состоянии университета второй половины 1930-х гг.

Сегодняшние студенты общаются с профессорами, докторами наук, доцентами, кандидатами наук, ассистентами, поэтому имеет смысл представить хотя бы краткие сведения о появлении этих степеней и званий. Это важно, потому что с 1938 г., с момента появления истфака, главное внимание руководства вуза всегда было направлено на подготовку и привлечение к работе из других вузов именно высококвалифицированных преподавателей.

Впервые ученые звания и степени, отличные от существовавших до революции, появились в 1934 г. Порядок их присуждения оказался не очень совершенным, поэтому 20 марта 1937 г. было опубликовано новое Постановление СНК СССР, в котором регламентировались квалификационные требования к соискателям и общий порядок присвоения степеней и званий. Согласно этому нормативу ученые степени кандидата и доктора наук присваивались по областям научных дисциплин в зависимости от «объемов знаний, степени самостоятельности научной работы и ее значения». Получение ученых званий ассистента, доцента и профессора обуславливались характером выполняемой научно-педагогической или научно-исследовательской работы. Сама система ученых степеней и званий была призвана поощрять научную работу и стимулировать повышение квалификации научных и научно-педагогических кадров. Органом, присваивающим звания профессора и доцента, стала Высшая аттестационная комиссия Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР. Высшая аттестационная комиссия (ВАК) принимала решения по представлениям «соответствующих народных комиссариатов на основе решений Советов вузов».

В эти же годы изменилась кадровая система и оплата труда преподавателей вузов. Постановлениями СНК СССР от 11 ноября 1937 г. и 21 апреля 1938 г. отменялась почасовая оплата труда профессоров, доцентов и других преподавателей высшей школы и вводилась система штатных должностей и должностных окладов для преподавателей и учебно-вспомогательного персонала, определялись надбавки за заведование кафедрами и административную работу.

С 1 сентября 1938 г. во всех высших учебных заведениях СССР вводится четырехбалльная система оценок знаний студентов при сдаче экзаменов («отлично», «хорошо», «средне», «неудовлетворительно») вместо существовавшей трехбалльной («отлично», «удовлетворительно», «неудовлетворительно») [Высшая школа, 1948, 141—142].

1938-й год ознаменовался еще двумя важными событиями: 29 августа было опубликовано Постановление СНК СССР «О высшем заочном обучении», по которому разрешалась заочная подготовка на исторических факультетах, а 1 октября была введена новая форма диплома для лиц, окончивших вузы. Эта форма просуществовала до 1952 г.

Но самым главным событием 1938 г. для историков университета явилось появление приказа Всесоюзного комитета по делам высшей школы от 8 сентября № 2336, в котором, «в целях укрепления Свердловского государственного университета», санкционировалось открытие четырех новых факультетов, в том числе — исторического [Архив УрГУ, д. 71, л. 115].

На основании этого документа исторический факультет начал свое официальное существование. В поздравлении университету было отмечено: «Открытие исторического факультета является знаменательным фактом, ибо таких факультетов в Союзе насчитывается пока единицами» [ГАСО, ф. 2110, оп. 2, д. 72, л. 8 об.].

В сентябре 1938 г. состоялось торжественное открытие истфака и была организована первая кафедра — кафедра истории Древнего мира, составлен план учебной, методической и научной работы. Большого пока сделать не удалось. И уже 1 октября 1938 г. университетское партийное собрание констатировало, что «истфак является слабым факультетом, он не обеспечен кадрами, и необходимо поставить вопрос перед соответствующими организациями о ненормальном положении на историческом факультете в связи с невыполнением Наркомпросом ряда обязательств, принятых на себя по реорганизации госуниверситета» [ЦДООСО, ф. 285, оп. 2, д. 7, л. 81—83].

Занятий по расписанию в первый год учебы у студентов было не так уж много. Сказывались нехватка преподавателей и отсутствие четкого учебного плана. Недостаток в те годы учебников и хрестоматий по истории для вузов восполнялся студентами чтением разнообразной исторической литературы. Первый собственный учебник по отечественной истории на факультете появился благодаря тому, что студенты, увлеченные лекциями Н. И. Шатагина², застенографировали их и сброшюровали. Сложнейшую ситуацию, в которой проходило становление факультета, иллюстрирует одно из выступлений Н. И. Шатагина на ученом совете вуза 11 апреля 1938 г. Поддержав инициативу открытия филологического факультета, проректор заметил, что при этом нет гарантий, что новый факультет будет обеспечен кадрами, и есть опасность, что с ним может случиться то же, что произошло с историческим.

Одним из определяющих моментов стала проблема формирования кабинетов и библиотечного фонда. На помощь государства рассчитывать не приходилось. В этой связи показательным письмом в Москву — своеобразный крик о помощи, что истори-

² Н. И. Шаталин с декабря 1938 г. — заведующий кафедрой истории народов СССР (истории СССР), декан исторического факультета и проректор по научно-учебной части. Специалист по истории России XVI—XVII вв.

ческий факультет совершенно не имеет литературы, а «Наркомпрос ничего обещанного не прислал», направленное в 1939 г. заместителем директора университета С. М. Таргом [ГАСО, ф. 2110, оп. 2, д. 73, л. 10]. Помощь оказал коллектив библиотеки им. В. Г. Белинского: фундаментальной библиотеке университета были переданы дублетные книги по общественно-историческим дисциплинам. Покупались и книги из личных библиотек.

Парадоксально, но в такой ситуации факультет был вынужден настойчиво нацеливать студентов на самостоятельную работу. На это были веские причины. Еще 23 июня 1936 г. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) отменило так называемый бригадно-лабораторный метод обучения, потребовав «в целях развития у студентов навыков самостоятельной работы над учебным материалом ликвидировать все еще практикуемые в ряде вузов, несмотря на категорическое запрещение, групповые занятия для проработки лекционного материала, представляющие пережиток осужденного в свое время так называемого бригадно-лабораторного метода обучения... При организации учебного процесса основное внимание должно быть направлено на самостоятельную работу студентов, проводимую в читальнях, библиотеках, архивах, лабораториях, кабинетах или на дому, с обеспечением консультаций студентам».

В 1939 г. был назначен новый директор университета — Н. П. Попов, а исторический факультет даже стал лидером по итогам социалистического соревнования. Партбюро отметило, что «в учебе комсомол на истфаке занимает ведущую роль». Летом был успешно проведен новый набор — еще 63 студента пришли на истфак. По-прежнему оставалась тяжелой ситуация с преподавательскими кадрами. Обещанные Наркомпросом РСФСР специалисты-историки в Свердловске так и не появились.

Осенью 1939 г. директор писал в Москву: «Вновь открытый в сентябре 1938 г. исторический факультет совершенно не обеспечен кадрами. Нарком просвещения РСФСР только в декабре 1938 г. прислал кандидата исторических наук, доцента кафедры истории СССР Шатагина Н. И. По другим же кафедрам не было прислано ни одного человека. Поэтому СГУ вынужден был прибегать к полумерам и приглашать на кафедры исторического факультета бывших преподавателей средней школы без ученых степеней и званий. Разумеется... эти полумеры не могут удовлетворить полностью требований, предъявляемых к университетскому образованию» [ГАСО, ф. 2110, оп. 2, д. 89, л. 4].

Вразумительного ответа не последовало. Поэтому неудивительно, что в январе 1940 г. директор направил в различные инстанции, включая отдел школ ЦК ВКП(б), жалобно-кричащее послание: «На исторический факультет, несмотря на наши неоднократные просьбы, ни один из научных работников прислан не был. Вследствие этого курсы древней истории и истории Средних веков читаются малоквалифицированными преподавателями-совместителями, не имеющими ни ученой степени, ни ученого звания. При таком положении с кадрами научных работников исторический факультет дальше нормально развертываться не может». Он вновь просил «при распределении оканчивающих аспирантуру весной 1940 г. учесть острую потребность в кадрах и прислать в наше распоряжение для работы в качестве доцента одного человека по кафедре новой истории; одного человека по кафедре истории колоний и зависимых стран; одного человека по кафедре истории СССР» [Там же, л. 1—2].

Это послание сыграло важнейшую роль в становлении факультета. В 1940 г. прибыли на работу сразу три кандидата наук — Н. А. Бортник, Х. Г. Шуляковский, Н. Х. Юдикис, а также окончивший аспирантуру МГУ Ф. И. Сурин.

С открытием истфака началась и научная деятельность сотрудников. Это объясняется просто: 23 июня 1936 г. было опубликовано Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой», пункт 14-й которого определял:

СНК СССР и ЦК ВКП(б) осуждают распространенные среди известной части работников наркоматов и учебных заведений взгляды, что кафедры вузов не должны заниматься научно-исследовательской работой, а ограничиваться только учебно-педагогической деятельностью.

СНК СССР и ЦК ВКП(б) указывают, что без научно-исследовательской работы не может осуществляться вузами подготовка специалистов на уровне требований современной науки и немыслима подготовка научно-преподавательских кадров и повышение их квалификации.

СНК СССР и ЦК ВКП(б) предлагают всем наркоматам и директорам высших учебных заведений обеспечить на деле развертывание научно-исследовательской работы по кафедрам.

Необходимо отметить, что эта проблема находилась и позднее в поле зрения руководства страны. Уже через год, 11 ноября 1937 г., в Постановлении СНК СССР вновь подчеркивалась обязанность профессоров, доцентов и ассистентов заниматься научными исследованиями. Отмечалось, что и учебно-вспомогательный персонал нужно привлекать к исследовательской работе. Предусматривались поощрения: «за доброкачественное выполнение квартальных планов научно-исследовательских работ директор вуза имеет право премировать профессоров, доцентов, ассистентов и учебно-вспомогательный персонал в размере до месячного оклада, а Наркомпрос за особо выдающиеся работы может премировать в размере до 2-месячного оклада» [ГАСО, ф. 2110, оп. 2, д. 82, л. 24].

Постановлений было много, но реализовать их вновь образованному истфаку было очень сложно. Поэтому неудивительно, что на протяжении всех предвоенных лет в отчетах чаще отмечаются трудности и недостатки, нежели успехи.

Так, в отчете о научно-исследовательской работе за 1940 г. указывалось, что планы работы кафедр факультета, за исключением кафедры истории СССР, полностью не были выполнены. Главную причину слабой работы (а также перспективных начинаний) четко обрисовал Н. И. Шатагин:

Исторический факультет Свердловского государственного университета существует только третий год, а филологический факультет начал функционировать только с сентября 1940 года. Поэтому и кадры научных работников этих факультетов являются молодыми. Это почти исключительно товарищи, закончившие аспирантуру и получившие ученую степень кандидата наук лишь в 1940 году. Отсюда, естественно, оба эти факультета не имеют, да еще и не могут иметь своего резко выраженного научного лица, а научные работники факультетов в своем большинстве сами нуждаются в научном руководстве. И тематика научно-исследовательской работы по историческому и филологическому факультетам неизбежно носит следы той научной направленности, которую получили товарищи от своих научных руководителей будучи в аспирантуре московских и ленинградских вузов. Поэтому большинство тем, намеченных к разработке в 1941 году, представляет собою продолжение начатой работы научными работниками в прошлом. Между тем сама тематика, являясь разносторонней, представляет собой значительный научный интерес с точки зрения разработки основных проблем исторической науки.

В 1941 году исторический и филологический факультеты намечают темы и по изучению Урала, что нельзя не признать положительным явлением в научной работе университета. В дальнейшем изучение местного края, разработка местных архивных фондов будут являться основными в научно-исследовательской работе работников исторического факультета, а в 1941 году кладется этому лишь начало [ГАСО, ф. 211, оп. 2, д. 82, л. 24].

Конкретно по кафедрам научная работа ведущих преподавателей в 1940/41 уч. г. выглядела следующим образом.

- Кафедра истории СССР

Заведующий кафедрой доцент Н. И. Шатагин на основе местных архивов провел работу по подготовке спецкурса по истории крепостного Урала, подготовил доклад о промышленности Урала в XVIII в., написал три научно-популярные статьи для газеты «Уральский рабочий», выступил с докладом на конференции, посвященной 35-летию Революции 1905—1907 гг.

Доцент Х. Г. Шуляковский поместил в «Ученых записках Ленинградского университета» в 1941 г. статью «Из истории освободительной борьбы белорусского народа», подготовил для «Ученых записок СГУ» статью «Война России с Польшей за освобождение Белоруссии и участие белорусского народа в этой войне». Выступил с докладом на научной конференции в Москве, разработал библиографию и подобрал материал для спецкурса по истории революционного движения на Урале, принимал участие в организации и проведении конференции, посвященной Революции 1905—1907 гг., опубликовал в газете «Уральский рабочий» две статьи.

- Кафедра древней истории

Доцент Н. Х. Юдикис сдал в редакцию «Ученых записок СГУ» статью «Колонат поздней Римской империи», начал подбор материала для сборника «Маркс — Энгельс о древнем Риме», написал статью «Маркс и Энгельс о некоторых специфических особенностях истории Древнего Рима».

- Кафедра истории Средних веков

Доцент Н. А. Бортник подготовил к печати две статьи: для журнала «Историк-марксист» и «Ученых записок СГУ». Выступил с докладом на конференции, посвященной Ф. Энгельсу, и на научной конференции в Москве, сделал доклад на совещании научных работников факультета по теме «Методика чтения лекций по историческим дисциплинам в связи с выходом в свет новых учебников».

- Кафедра новой истории

Исполняющий обязанности доцента Ф. И. Сурин написал диссертацию на тему «Теодор Рузвельт и политика США на Дальнем Востоке и в отношении стран Латинской Америки». Выступил с докладом на конференции, посвященной Ф. Энгельсу, опубликовал в местной печати три статьи.

Какие-никакие, но успехи все-таки были. Планировалось даже издание специального сборника статей объединенного историко-филологического факультета. Приехавшие из Москвы и Ленинграда молодые ученые сразу же обратились к проблеме научного изучения истории Урала. Н. И. Шатагин, специалист по истории России XVI—XVII вв., отмечал уникальность уральских документов XVIII в. А по мнению Х. Г. Шуляковского, «история революционного движения на Урале почти совершенно не разработана, а архивные фонды почти совершенно не подвергались изучению со стороны историков» [ГАСО, ф. 2110, оп. 2, д. 77, л. 59; д. 82, л. 15; и др.]. На середину 1941 г. планировалось проведение в университете специального совещания по ураловедению с привлечением историков г. Молотова (Перми), Челябинска, Магнитогорска, Уфы и Тюмени. К сожалению, этим важным начинаниям не суждено было осуществиться. Углубленное изучение истории Урала волею обстоятельств было отложено на послевоенные годы.

Необходимо также отметить, что со второй половины 1930-х гг. в этой области, как и повсюду в целом, мешали канцелярщина и бюрократизм. Все преподаватели были обязаны составлять квартальные, годовые, перспективные планы научно-исследовательской работы и отчитываться по их выполнению. В архивных документах эти планы всех видов и форм хранятся в изобилии. Их составление, видимо, занимало уйму времени, которое могло быть потрачено на более полезные дела.

Молодость и отсутствие достаточного опыта преподавателей были, очевидно, причиной того, что в предвоенные годы слабо привлекались к научной работе студенты. Например, после объявления в 1940 г. университетского конкурса на лучшую студенческую работу от истфака было представлено всего три работы. Студенческие кружки существовали при всех кафедрах, но студентов здесь было немного. Кружки занимались в основном углубленным изучением какой-либо проблемы в соответствующей области науки. Главным недостатком кружковой работы было отсутствие научно-исследовательского направления в подлинном смысле этого слова.

Третий набор студентов истфака проходил сложно, так как новые правила приема были опубликованы лишь 11 июля 1940 г. По этим правилам поступающие в вузы должны были «подвергаться вступительным экзаменам в зависимости от специальности вузов». На исторические факультеты, например, сдавали экзамены по следующим предметам: история народов СССР, география, русский язык и литература. Поступающие в университеты должны были сдавать экзамены (кроме вышеперечисленных предметов) по одному из иностранных языков независимо от специальности. Студенты, окончившие среднюю школу на «хорошо» и «отлично», принимались в университеты без экзаменов. В сентябре 1940 г. истфак пополнился еще 63 студентами.

1 сентября 1940 г. в университете начал функционировать филологический факультет. С 1 января 1941 г. официально появился историко-филологический факультет.

Октябрь 1940-го г. преподнес студентам и преподавателям истфака и филфака более серьезные проблемы: 2 октября было опубликовано Постановление СНК СССР № 1860 «Об установлении платности обучения в старших классах средних школ и в высших учебных заведениях СССР и об изменении порядка назначений стипендий».

Студенты, не внесшие плату за обучение, отчислялись из высших учебных заведений. Им предоставлялось право перевода на вечерние и заочные отделения (здесь оплата составляла 50 % стоимости дневного обучения) или в другой вуз. Ввиду того,

что этой формы обучения на истфаке не было, в Наркомат просвещения РСФСР была отправлена экстренная телеграмма (о причинах экстренности будет сказано ниже) об открытии заочного отделения или экстерната. В ней прямо отмечалось, что многие студенты в связи с установлением платности за обучение не могут учиться на дневном отделении и просят перевести их на заочное или вечернее отделение.

Положительное решение по открытию заочного отделения и экстерната было получено. Но до войны удалось реализовать только экстернат.

В итоге введения платы за обучение количество студентов университета катастрофически снизилось. За год истфак потерял почти половину контингента (к 30 июня 1941 г. только единицы еще были призваны в РККА).

Сумма платы за обучение была солидной — 150 рублей в семестр. Одновременно, согласно шестому пункту Постановления, практически все студенты теряли стипендию. Ее могли получить только круглые отличники (пункт отменен лишь 15 сентября 1943 г.) и небольшой круг особо нуждающихся студентов. В соответствии с Постановлением СНК СССР от 11 ноября 1937 г., стипендия составляла на первом курсе 130 рублей, на втором — 150, на третьем — четвертом курсах — 175, на пятом курсе — 200 рублей, так что студентам было о чем горевать и чем высказывать недовольство: с ноября 1940 г. только 167 человек (из них лишь 19 истфаковцев) оказались со стипендией [см.: Архив УрГУ, приказы за 1940/41 уч. г.; ГАСО, ф. 2110, оп. 2, д. 81, л. 41; д. 83, л. 102].

Необходимо в этой связи отметить, что, кроме обычных стипендий, студенты 1930-х гг. могли получать и именные: имени 15-летия ВЛКСМ, имени Молотова и «имени товарища Сталина» (две последние, как отмечено в документах, не облагались «подходным и культурным налогом»). Стипендия «имени товарища Сталина» была учреждена 20 декабря 1939 г. и составляла 700 рублей.

Именных стипендиатов в университете было немного. В 1940 г. из пяти сталинских стипендиатов один был историком — Н. Князев, студент второго курса, который и закончил обучение с этой персональной стипендией.

На основании приказа Комитета по делам высшей школы от 12 октября 1940 г. вводилось свободное посещение занятий.

Н. И. Шатагин в докладной записке, направленной в обком ВКП(б), Комитет по делам высшей школы и Наркомпрос РСФСР, сообщил, помимо прочего, о проведении работы среди студентов, разъясняющей их права и обязанности в связи с введением свободного посещения [ГАСО, ф. 2110, оп. 2, д. 81, л. 49—56]. Проректор «забыл» написать о мерах наказания за дополнительные прогулы — вплоть до отчисления. Да, свободное посещение занятий явилось «пряником» в отмеченной выше политике. Но студенты (они всегда студенты!) с лихвой воспользовались этим правом. Частенько аудитории оказывались полупустыми, а иногда и вообще пустыми.

В итоге уже в зимнюю сессию 1940/41 уч. г. — первую с правом свободного посещения занятий — удовлетворительные оценки и «неуды» получили более 25 % студентов истфака. Ректор на партсобрании констатировал: «Многие студенты используют право на свободное посещение лекций не для усиления работы над учебным материалом, а для пустого времяпровождения. <...>... самостоятельная работа студентов в течение семестра пущена на самотек. Труддисциплина расшатана, в комсомольской организации нет большевистской борьбы за высокое качество учебы, не развернута борьба за отличничество, за Сталинскую стипендию» [ЦДООСО, ф. 161, оп. 6, д. 1009, л. 174].

А доцент истфака Н. Х. Юдикис конкретизировал это положение: «Упорядочение дела в общежитиях в значительной степени могло бы улучшить учебную работу студентов. А то нередко бывает, что отдельные студенты, пользуясь свободным расписанием, спят до 9—10 часов утра, а потом стирают и пр., день проходит, а работой над собой не занимаются и на лекции утренние не ходят» [ЦДООСО, ф. 285, оп. 3, д. 7, л. 6—7].

Партийная организация предложила три способа выхода из трудного положения: 1) ужесточение системы наказаний, 2) создание партгрупп «по производственному принципу» на факультетах, чтобы «быть ближе к людям», 3) вновь развернуть широкое индивидуальное и групповое социалистическое соревнование среди студентов, а среди преподавателей — соревнование за лучшую постановку учебной, методической и научной работы. Партгруппы на факультетах не были созданы, преподаватели «ближе к людям» не стали, поэтому из отмеченных трех способов действовали два: отчисления за прогулы и соцсоревнование.

В связи с введением платного образования необходимо отметить, что в предвоенные и военные годы увеличилось количество категорий студентов, которым предоставлялись льготы. Уже на основании декабрьского 1940 г. Постановления СНК СССР от платы за обучение освобождались следующие категории:

- 1) инвалиды-пенсионеры, персональные пенсионеры, пенсионеры по старости и за выслугу лет, пенсионеры — Герои Труда, их дети, если получаемая ими пенсия была для них единственным источником к существованию;
- 2) дети, получающие пенсию в связи с потерей кормильца;
- 3) учащиеся-инвалиды, не получающие пенсию и направленные на учебу органами социального обеспечения.

В справке, представленной ректором в Наркомат просвещения в начале 1941 г., отмечалось:

Исторический факультет готовит преподавателей истории в старших классах средней школы, ассистентов вузов по гражданской истории и научных работников для краеведческих музеев, государственных и местных архивов.

Первые три года студенты изучали общие курсы, цикл социально-экономических дисциплин: основы марксизма-ленинизма, политэкономии, диалектический и исторический материализм, с четвертого курса начиналась специализация по кафедрам и педагогическая практика в школах города. Обязательными были иностранный язык, латинский язык, военное дело, физкультура.

На факультете имелось пять кафедр:

1. Кафедра древней истории вела подготовку по истории первобытного общества, древнего Востока, Греции и Рима.
2. Кафедра Средних веков — по истории европейских стран до конца XVIII века. Студенты специализации, кроме общей исторической подготовки в области Средневековья отдельных стран, получали необходимую филологическую подготовку.
3. Кафедра истории СССР специализировалась на отечественной истории с древнейших времен и истории народов СССР.
4. Кафедра истории Нового времени основное внимание уделяла истории экономики, культуры и внешней политики стран Европы и Америки XIX—XX веков.
5. Кафедра истории зависимых и колониальных стран специализировалась на истории складывания колониальной системы в мире и ее функционировании в эпоху империализма.

В составе кафедр функционировали следующие кабинеты: истории СССР, новой истории, истории средних веков, древней истории [ГАСО, ф. 2110, оп. 2, д. 81, л. 2—4].

В соответствии с приказами вышестоящих органов регулярно проводились контрольные письменные работы или коллоквиумы по всем основным дисциплинам учебного плана. На совещаниях в деканате подводились итоги и делались обобщающие выводы, которые, к сожалению, не были приятными для студентов и преподавателей. Основные недостатки сводились, как правило, к следующему:

- большинство студентов не работает систематически над читаемыми курсами;
- основная литература по читаемым курсам не изучается;
- многие студенты не ведут конспекты лекций и прочитанной литературы, а некоторые, особенно первокурсники, в принципе и не умеют вести записи;
- обнаружилась наиболее слабая ориентировка в материалах тех курсов, экзамен по которым должен был быть не в зимнюю, а в весеннюю экзаменационную сессию.

Основными причинами неудовлетворительных результатов назывались:

1. Живучесть среди студентов традиции готовиться к экзаменам только накануне экзаменационной сессии.
2. Отсутствие систематического контроля над самостоятельной работой студентов со стороны научных работников, читающих лекционные курсы.
3. В некоторых случаях не вполне удачное построение учебных планов.
4. Отсутствие элементов проработки читаемого лекционного курса на практических занятиях [ГАСО, ф. 2110, оп. 2, д. 81, л. 64—66].

Нетрудно заметить, что некоторые проблемы остаются актуальными и в настоящее время, такие как, например, традиция готовиться к экзаменам накануне сессии, слабая ориентировка в материалах тех курсов, экзамен по которым должен быть в следующую сессию и др.

Управление по делам университетов Наркомата просвещения РСФСР тщательно анализировало годовые отчеты вуза и направляло ректору свои заключения (а он знакомил с ними всех деканов).

За исключением традиционной фразы о том, что «коллектив университета в настоящем учебном году добился некоторых успехов в организации учебно-педагогического процесса», заключение обычно представляло собой перечень недостатков, примерно таких, как по итогам 1939/40 уч. г.:

- Итоги учебной работы нельзя признать удовлетворительными. Двести пять человек не выполнили учебного плана...
- Неудовлетворительно укомплектован университет кадрами. Из 73 преподавателей ученую степень имеют только 24 человека. Управление не может признать удовлетворительной работу по повышению квалификации преподавателей.
- Слабо поставлена учебно-методическая работа кафедр...
- Кафедры не оказывают студентам необходимой помощи в организации самостоятельной работы, студенты не работают систематически...
- Из шести преподавателей кафедры основ марксизма-ленинизма только один имеет ученую степень кандидата наук, а некоторые из них не имеют даже законченного высшего образования...
- План научно-исследовательской работы выполняется неудовлетворительно...
- Большой отсев учащихся, причем значительная часть студентов выбыла по причине академической неуспеваемости...

— Слабо поставлена физкультурная работа. В спортивных секциях принимает участие незначительная часть студентов...

<...>

Управление обязывает вас устранить отмеченные недостатки и обеспечить высокое качество учебной и научной работы в университете [ГАСО, ф. 211, оп. 2, д. 89, л. 51—52].

Такие заключения можно рассматривать с различных позиций. С одной стороны, явная, рутинная канцелярщина, с другой — все верно: недостатки серьезные, но во все времена трудноисправляемые.

Во второй половине 1930-х гг. общее материально-техническое состояние университета, где работали преподаватели и учились студенты исторического факультета, формально можно оценить на «удовлетворительно». Однако трудностей и проблем было значительно больше, чем успехов. Работы по достройке и техническому оснащению учебного корпуса постоянно затягивались и так и не были завершены до начала войны. Городское и областное руководство признавало, что «существующее здание совершенно не приспособлено под университет, невозможно его переделать», но их письма в правительство с просьбами проектирования и постройки университетского городка оставались без ответа [ЦДООСО, ф. 4, оп. 34, д. 241, л. 9].

Тяжелое положение было и со студенческими общежитиями. Перед войной в университете училось около тысячи студентов. Исходя из установленной правительством нормы жилплощади в 4,5 кв. м на человека в общежитиях можно было размесить до 650 студентов. И бытовое обслуживание оставляло желать лучшего. Только одно из общежитий (на Чапаева, 20), построенное в 1937 г., отвечало требованиям тех лет. Остальные пять зданий представляли собой каркасно-щитовые дома или же «бараки, переделанные из помещений, предназначенных под свинарник» (на ул. Щорса и на Московском торфянике) [см.: ГАСО, ф. 2110, оп. 2, д. 6, л. 116; д. 80, л. 15, 24—25; и др.]. Они требовали постоянных ремонтных работ: переделки фундаментов, печей, а также штукатурки, побелки, малярных работ и т. п. Но денег на эти нужды отпускалось очень мало.

В истории университетской жизни, наверное, не найти период, когда бы не критиковались столовая и буфеты. Увы, но в предвоенный период автор не нашел положительных отзывов о работе общепита. И характеризовался он во все годы предельно просто: «Столовая не отвечает требованиям, выбор горячих блюд ограничен, ассортимент продуктов в буфете беден» [ЦДООСО, ф. 4, оп. 34, д. 241, л. 45].

Житейские неурядицы, материальные трудности во все времена были спутниками большей части студентов. Но студенческая жизнь многогранна. И одним из важнейших ее компонентов был отдых.

Историко-филологический факультет был зачинателем смотров университетской художественной самодеятельности, его представители были победителями также городского смотра.

В зимние и летние каникулы значительная часть студентов направлялась в дома отдыха и санатории, на экскурсии по р. Чусовой, ездили в Кунгурскую пещеру, а отличники награждались поездками в Москву и Ленинград [см.: ГАСО, ф. 2110, оп. 2, д. 79, л. 88—89].

В качестве заключения хотелось бы особо отметить официальный отчет декана факультета Х. Г. Шуляковского за 1940/41 уч. г. Хотя выполнен он очень стандартно и

сухо, в нем отражены все виды деятельности преподавателей, сотрудников и студентов, представлены сравнительные таблицы, отмечены недостатки и успехи.

Составлялся отчет 8 июля 1941 г. Поэтому вполне естественно, что в конце отчета главная задача факультета сформулирована предельно просто — процитированы слова из речи И. В. Сталина, произнесенной 3 июля: всю работу подчинить «интересам фронта и задачам разгрома врага».

Закончим предвоенный период истории становления исторического образования материалом о подготовке нового набора. Готовить новый прием студентов истфак начал в декабре 1940 г. конкурсом на лучшее сочинение по истории среди учеников 10-х классов школ Свердловска. В период зимних и весенних каникул впервые были проведены дни открытых дверей — встреча будущих абитуриентов с профессорами и студентами. Исторический кабинет к весеннему мероприятию подготовил выставку «Отечественная война 1812 года и поражение Наполеона». Преподаватели факультета выезжали на специальные собрания со школьниками не только в города Свердловской области, но и в Омск, Челябинск. В итоге качество набора обещало быть очень солидным. Примечательно, что на август была запланирована специальная культурно-массовая программа «Студент — абитуриент» с лекциями, спортивными играми, гуляниями и экскурсиями. Увы, война перечеркнула все планы.

Архив УрГУ. Д. 71 (Приказы за 1940/41 уч. г.).

Бутягин А. С., Салтанов Ю. А. Университетское образование в СССР. М., 1957.

Высшая школа : основные постановления и инструкции. М., 1948.

Высшая школа : основные постановления, приказы и инструкции. М., 1957.

Галкин К. Т. Высшее образование и подготовка научных кадров в СССР. М., 1958.

ГАСО. Ф. 2110 (Уральский государственный университет). Оп. 2. д. 3, 6, 72, 73, 75—77, 80—83, 89.

Горловский М. А., Чуфаров В. Г. Уральский государственный университет (краткий исторический очерк). Свердловск, 1956.

Елютин В. П. Высшая школа страны социализма. М., 1950.

Елютин В. П. Высшая школа СССР за 50 лет (1917—1967). М., 1967.

Кафтанов С. В. Высшее образование в СССР. М., 1950.

Кулагина Г. А. Исторический факультет // Очерки истории Уральского университета. Свердловск, 1967.

Летопись Московского университета (1755—1979). М., 1979.

Летопись исторического факультета МГУ (1934—1994). М., 1995.

Московский государственный университет. М., 2005.

Печатальщикова Н. С. О работе исторического факультета Уральского университета // ВИ. 1961. № 2.

Синецкий А. Я. Профессорско-преподавательские кадры высшей школы СССР. М., 1950.

ЦДООСО. Ф. 4 (Свердловский областной комитет КПСС). Оп. 9. Д. 1058 ; Оп. 34. Д. 241 ; Ф. 161 (Свердловский городской комитет КПСС). Оп. 6. Д. 1009 ; Ф. 285 (Уральский государственный университет им. А. М. Горького). Оп. 2. Д. 7 ; Оп. 3. Д. 7.

Чуткерашвили Е. В. Развитие высшего образования в СССР. М., 1961.

275 лет : Санкт-Петербургский университет : летопись. СПб., 1999.

Статья поступила в редакцию 18.09.2008 г.